

УДК 316.33+159.99

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-97-104

Любовь Владиленовна Денисова,*Академия управления МВД России**(г. Москва, Россия),**e-mail: lvdilena@yandex.ru***Татьяна Владимировна Рогачева,***Областной центр реабилитации инвалидов**(г. Екатеринбург, Россия),**e-mail: TVRog@yandex.ru*

Онтологические и социально-психологические основания религиозной аддикции: к постановке проблемы

Актуальность проведённого исследования обусловлена религиозной ситуацией в современной России, которая отличается противоречивостью. С одной стороны, секуляризация привела к отсутствию у многих граждан надёжности и смысловожизненных ориентиров, с другой – наблюдается усиление воздействия на человека различных религиозных структур, обещающих устойчивость и адаптированность в современном мире. Проблемным характером отличается религиозность как качество личности. В социологических и социально-психологических исследованиях маркером религиозности может выступать как субъективная самоидентификация, так и вовлечённость в религиозные практики как объективная характеристика жизнедеятельности, которая при определённых условиях становится проявлением аддиктивного поведения. В психологической науке и современных психиатрических исследованиях получило распространение разделение химических и нехимических аддикций. В ходе разработки социально-психологического механизма формирования религиозной аддикции использованы: анализ философской и социально-психологической литературы, в которой раскрываются теоретические основания религиозной аддикции и структурно-динамическое моделирование. В результате проведённого научного анализа операционализировано понятие «религиозность» и выделены «внутренняя» и «внешняя» религиозность. Представлена модель формирования внешней религиозности как варианта нехимической аддикции, сущностью которой является неудовлетворенная потребность в безопасности. Человек, находящийся в поисках снятия напряжения и тревоги, имея определённые индивидуально-личностные особенности, первоначально выбирает внешнюю религиозность как адаптивную психологическую защиту. Далее устанавливается патологическая связь с религиозной сущностью, с помощью которой удовлетворяются потребности личности, т. к. религия в данном варианте – средство для решения своих проблем. Авторы приходят к выводу о том, что адаптивная первоначальная защита превращается в аддиктивную модель поведения, представляющую собой установление самообеспечивающейся системы, которая может привести к отчуждению от социума, одиночеству в реальном мире, игнорированию личной ответственности за свои поступки.

Ключевые слова: онтологические основания, психология религии, внешняя религиозность, нехимические аддикции, потребность в безопасности

Lyubov V. Denisova,*Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia**(Moscow, Russia),**e-mail: lvdilena@yandex.ru***Tatyana V. Rogacheva,***Regional Center for the Rehabilitation of Persons with Disabilities**(Yekaterinburg, Russia),**e-mail: TVRog@yandex.ru*

Ontological and Socio-Psychological Foundations of Religious Addiction: Toward a Problem Statement

The article presents the situation with the position of religion in modern Russia, which is characterized by contradictions. On the one hand, secularization has led to a lack of reliability and meaning for many people, on the other – the increased impact on people of various religious structures that promise stability and adaptability in the modern world. Religiosity as an individual quality is the unsolved problem. In sociological and socio-psychological studies, the marker of religiosity can act as a subjective self-identification, and involvement in religious practices as an objective characteristic of life, which under certain conditions becomes a manifestation of addictive behavior. Psychological science and modern psychiatric research distinguish chemical and non-chemical addictions. The article presents the materials of a sociological study, which confirms the tendency to increase religiosity among employees of the internal affairs bodies. In the course of developing a socio-psychological mechanism for the formation of religious addiction, we used the analysis of philosophical and socio-psychological literature, which reveals the theoretical foundations of religious addiction and structural and dynamic modeling. As a result of the conducted scientific analysis, the concept of “religiosity” is operationalized and “internal”

© Денисова Л. В., Рогачева Т. В., 2020

and "external" religiosity are distinguished. The definition of non-chemical addiction is given and its main forms are highlighted. The article presents a model for the formation of external religiosity as a variant of non-chemical addiction, the essence of which is the human need to satisfy the need for security. A person in search of relieving tension and anxiety, having certain individual and personal characteristics, chooses external religiosity as the first adaptive psychological protection. Further, a pathological connection with the religious essence is established, with the help of which the needs of the individual are met, since religion in this version is a means for solving their problems. Previously adaptive defense becomes an addictive behavior model. External religiosity as a variant of dependent behavior leads the individual to establish a self-supporting system, which can lead to alienation from society and complete loneliness in the real world as well as diminishing of personal responsibility.

Keywords: ontological foundations (grounds), psychology of religion, external religiosity, non-chemical addictions, need for security

Введение. Религиозная ситуация в современной России характеризуется устойчивым соотношением конфессионального состава населения, которое сложилось в последние годы. По данным Росстата, в России в 2018 г. зарегистрировано 30 896 религиозных организаций¹. Верующими людьми, по данным ВЦИОМ, считают себя 73 % граждан Российской Федерации, т. е. примерно 107 млн чел. Эта картина воспроизводится и в многоконфессиональных регионах, например, в Омской области [18]. Примечательно также, что четверть респондентов определились с мировоззренческим выбором в зрелом возрасте, и только 3 % из них сделали свой религиозный выбор в подростковый период до 18 лет [Там же, с. 212].

Согласно социологическим данным, на вопрос о том, что даёт религия людям, исследователи получают, как правило, следующие ответы: «наиболее высоко оценивают значимость нравственной составляющей религиозных учений («Религия способствует нравственному воспитанию» – 3,56 %). Значимым является и представление о религии, как об источнике смысла жизни (3,28 %). При этом проявляется и утилитарный подход к религии: высокие оценки получили такие позиции, как «Помогает выходу из стрессовых ситуаций, утешает в трудные минуты» (3,48 %) и «Помогает решать житейские проблемы» (2,66 %). Интересно также и то, что религия чаще воспринимается как фактор объединения людей в одно духовное целое (3,34 %), путь индивидуального спасения души видится иначе (2,82 %) [1, с. 107].

Следует обратить внимание на особенности оценки религиозности. В социологических исследованиях, как правило, основным показателем является самоидентификация человека в отношении к религии, которая выступает отдельной научной проблемой. Так отмечается, что «высокий уровень религиозной самоидентификации сочетается с достаточно низким уровнем практической реализации религиозного выбора» [9, с. 48], что даёт основание сделать вывод об «отсутствии мировоззренческой определённости» тех, кто на прямой вопрос о вере даёт положительный ответ. Поэтому

¹ Россия в цифрах – 2019. – М.: Росстат, 2019. – С. 177.

актуальной является проблема выявления психологических механизмов реализации мировоззренческого выбора и определения смыслов религиозного поведения в мире, где неустойчивость и неуравновешенность становятся знаком времени. Актуальной видится необходимость изучения воздействий и последствий различных психогенных ситуаций, когда устойчивость к деструктивному воздействию оказывается сниженной. Распространённое мнение о том, что религиозность помогает преодолевать трудности, сохранить сопротивляемость в среде с экстремальными параметрами, подвергается сомнению в социально-психологических исследованиях. «Несмотря на определённые преимущества, которые имеет истинно верующий человек, у него редуцированы коммуникативные установки, изначально более низкая самооценка, он чаще зависим, не самостоятелен, менее способен к эмпатии, ограничен в возможности активного поиска жизненного пути», – отмечает И. Э. Соколовская [14, с. 13]. Таким образом, цель нашего исследования – рассмотрение онтологические оснований религиозной аддикции и моделирование социально-психологического механизма формирования религиозности как варианта зависимого поведения.

Для реализации поставленной цели необходимо операционализировать понятие «религиозность». Данное понятие – это абстракция, представляющая собой латентную, т. е. не измеряемую напрямую характеристику, что требует как конкретной методологической платформы, так и подбора адекватных индикаторов. Для нашего исследования актуальным является определение религиозности, предложенное Г. Олпортом. Он первым в социальной психологии задумался о «подлинной» религиозности, которая представляет собой «целостную, всеобъемлющую и структурированную жизненную философию личности, интегрирующую как когницию (картина мира), так и мотивацию (моральное приложение, иерархизация мотивов), которая даёт цель в жизни и систему ценностей» [12, с. 134]. Такое представление о религиозности как об определённом религиозном чувстве позволило автору ввести понятия внутренней (*intrinsic*) и внешней (*extrinsic*) религиозных ориентаций.

Под внутренней религиозностью понималась религиозность как способ существования в мире, т. е. подлинная религиозность, неразрывно связанная с искренней верой. Внешняя религиозность – это средство для достижения нереализуемых другими способами целей, а также известное в истории русского православия «обрядо-верие», обычно критикуемое официальной церковью. Здесь именно участие в обрядах, исполнение действий как магических ритуалов рассматривается залогом спасения (исцеления, решения жизненных проблем и т. д.). Кроме того, культовая сторона религиозной жизни, как известно, выступает основой религиозной традиционности, становясь привычкой и самой консервативной частью поведенческих стереотипов. С психологической точки зрения, внешняя религиозность, если обратиться к определению аддиктивного поведения как «стремления ухода от тягостной реальности путём искусственного изменения своего состояния за счёт поддержания определённых видов деятельности и уровня интенсивности эмоций» [13, с. 236], это и есть нехимическая зависимость.

Как известно, в отечественной науке понятие «нехимические аддикции» было введено Ц. П. Короленко ещё в 1991 г. К нехимическим зависимостям традиционно относят азартные игры, аддикции отношений, трудоголизм, навязчивую потребность в трате денег (шопоголизм), зависимость от другого человека, аддикции активности и т. д. [5, с. 10]. Внешнюю религиозность можно рассматривать как сочетание аддикции отношений и активности, однако как самостоятельный объект религиозную аддикцию как в философии, так и в психологической науке никто не исследовал, за исключением отдельных упоминаний в работах, посвящённых изучению, с одной стороны, экстремистских религиозных проявлений, с другой – оккультных зависимостей [2; 15].

Если рассматривать социально-психологический механизм формирования аддиктивного поведения, то наиболее удачно его сформулировали сторонники психоанализа. Ещё З. Фрейд анализировал так называемую «программу принципа наслаждения», суть которой выступает потребность каждого стать и быть счастливым. «Этот принцип главенствует в деятельности душевного аппарата; его целенаправленность не подлечит никакому сомнению, и в то же время, – указывает З. Фрейд, – его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром. Такая программа неосуществима, ей противодействует вся структура вселенной» [16, с. 152]. Другими словами, человек обречён на неудовольствие и страдание, поэтому «от опасностей мира можно защищаться лишь тем или иным способом

ухода из него» [Там же, с. 154]. Следовательно, зависимость можно рассматривать как адаптивное поведение, направленное на то, чтобы облегчить боль, вызванную психотравмирующими обстоятельствами, и на некоторое время повысить способность владеть собой и функционировать. Аддиктивное поведение представляет собой отчаянную попытку вылечить себя пока безопасным «лекарством» в форме выполнения определённых ритуалов и требований. При осуществлении различных религиозных отправлений многие переживают достаточно интенсивные эмоции (экстаза, например), которые позволяют снизить напряжение и боль. Эти эмоции фиксируются и постепенно превращаются в необходимые и единственно возможные в данной ситуации.

Многие современные психоаналитики связывают аддиктивное поведение с детскими травмами. Так, Г. Кристал считает, что травма провоцирует преждевременную потерю младенческой симбиотической иллюзии всемогущества, оставляя малышу исчезающий параноидный страх. Постулируя первичный эго-дефект, который он называет «аффективной защитой», исследователь считает, что такие травмированные младенцы гипотетически не способны распознавать разницу в чувствах [6]. В работе Г. Кристал говорит о том, что «аффективная защита» (и, как следствие, аддикция) могут активироваться и вследствие «взрослой травмы» – в результате переживания «катастрофического травматического состояния» – ситуации, когда «субъективная оценка приводит к выводу о том, что ужасная опасность является неизбежной...» [Там же, с. 110].

Таким образом, именно психоанализ рассматривает взаимоотношения родительских фигур (Матери и Отца) с ребёнком как основополагающие для возможности формирования аддиктивного поведения. Фигура матери, с точки зрения В. Биона, способствует конструктивному проживанию различных эмоций. Поэтому мать обязана уметь адекватно отражать многообразный эмоциональный опыт, обучая ребёнка справляться с различными эмоциями, тем самым удовлетворяя потребность ребёнка в безопасности [19].

Фигура Отца в любой религии воплощается в представлении о Боге. Бог рассматривается как творец (в иудаизме, христианстве и исламе), спаситель мира и людей (в высшей степени эта роль акцентирована христианством), как носитель абсолютного знания (промыслитель), из чего видится его власть над судьбами мира, объединяющее начало и регулятор поведения людей.

Так, Ж. Лакан выделяет три функции Отца: символическую, воображаемую и реальную [7]. Символическая функция прямо

связана с законностью, функция воображения позволяет наделить Отца некими атрибутами, реальная функция способствует формированию возможности получить разрешение на усвоение определённых правил и норм. Отец, следовательно, играет важную роль в когнитивном и эмоциональном развитии ребёнка и помогает дистанцироваться от матери, формируя тем самым ответственность и адекватную самооценку, чего как раз и не хватает зависимому человеку. Поэтому замещающая реального отца религиозная фигура Бога способствует «освобождению человека от метаний под влиянием множества целей и делает его более сильным и целеустремлённым» [3, с. 448].

О религиозности как проявлении зависимости писали многие исследователи общества и религии. Так Г. Зиммель даёт характеристику этого чувства в метафизическом ключе: «Глубинное основание, опираясь на которое, категория религиозности может стать формой социальных связей, создано благодаря удивительному сходству, существующему между отношением индивидуума к божеству и его отношением к социальной общности. Решающую роль здесь играет, прежде всего, чувство зависимости. Индивидуум чувствует себя привязанным к всеобщему, высшему, к тому, из чего он возникает и куда уходит, чему он отдаёт всего себя и от чего он в то же время ожидает освобождения и избавления» [4, с. 558]. В социально-психологическом аспекте религиозность как зависимость выражается в особенностях поведения верующих, рассматривающих свою погружённость в религиозную жизнь как средство преодоления одиночества (Э. Фромм), средство решения жизненных проблем (практика обращения за советом к авторитету церкви, духовному наставнику или общине в целом), снятие ответственности.

Методология и методы исследования. Использован анализ философской и социально-психологической научной литературы по проблематике исследования, а также метод качественного моделирования для теоретического построения социально-психологического механизма формирования внешней религиозности как варианта нехимической зависимости.

Результаты исследования и их обсуждение. Базируясь на теоретических разработках З. Фрейда, современных психоаналитиков, Г. Олпорта, можно смоделировать следующие структурно-динамические особенности формирования механизма религиозной аддикции. Бесспорно, что фундамент данного варианта зависимости формируется в детстве. Адекватное взаимодействие ребёнка с фигурами Отца, удовлетворяющего потребность во внешней

безопасности, и Матери, которая обеспечивает безопасность в микросреде, позволяют ребёнку сформировать онтологическую уверенность. Как отмечал Р. У. Лэйнг, «такая изначально онтологически защищённая личность будет встречать все социальные, этические, духовные, биологические превратности жизни с чувством, в основе которого – непоколебимая уверенность в своей собственной реальности и идентичности, а также в реальности и идентичности других людей» [8, с. 47].

Если же состояние онтологической защищённости не достигнуто, то обычные жизненные обстоятельства представляют постоянную угрозу, потребность в безопасности не удовлетворяется. Ребёнок, по образному выражению Р. Лэйнга, живёт, «не чувствуя себя живым» [Там же, с. 50]. То есть уже в раннем возрасте диагностируется внутрилличностный конфликт, связанный с неадекватным отношением к ребёнку самых близких ему людей – родителей, что приводит и к неадекватному восприятию себя. Несомненно, оценка себя – не менее сложная задача, чем оценка мира, требующая определённой его организации. Самоотношение служит знаменателем, выражающим меру принятия или непринятия себя, положительное или отрицательное отношение к себе, на основе которого складываются как отношения с миром по принципу «доверяю – не доверяю», так и представление о себе.

Такое взаимодействие с миром приводит к напряжению и усилению определённых эмоциональных переживаний, в первую очередь, страхам и невротической тревоге. Р. Мэй, разводя понятия «нормальной» и «невротической» тревоги, указывает на механизм невротической тревоги, смысл которой – в попытке личности «принять на себя громадную долю небытия ради того, чтобы сохранить каплю бытия» [10, с. 311]. Грань между «нормальным» и «невротическим» как раз в том, что «активность становится компульсивной», т. е. это попытка «ослабить напряжение без разрешения лежащего под ним конфликта» [Там же, с. 301]. Таким образом, первым шагом к формированию внешней религиозности выступает неудовлетворённая потребность ребёнка в безопасности, которая становится хронической и приводит к низкому уровню адаптированности в мире, напряжению и невротической тревоге. «Индивидуум ощущает себя человеком, которому, чтобы спастись и не утонуть, необходимо прилагать постоянные, напряжённые, отчаянные усилия» [7].

Личности необходимо найти способы, которые позволят снизить напряжение и удовлетворить потребность в безопасности. Личность, особенностью которой является неспособность решать свои проблемы само-

стоятельно, неуверенность, низкий уровень самосознания, неумение управлять своими желаниями, может выбрать различные способы психологической защиты от себя и от мира. Однако у такой личности психологические защиты чаще не осознаваемы и плохо контролируемы. Поэтому выбираются такие способы адаптации, которые не требуют от личности уверенности и ответственности и несут компенсаторную функцию. Одной из таких защит и может стать обращение к «внешней» фигуре, которая может выполнять жизнеохранительные или утешающие действия. Именно религиозность позволяет человеку «предстать перед опасностью во всеоружии» [10, с. 303].

Далее происходит выработка своеобразного аддиктивного ритма, другими словами, при столкновении с жизненными трудностями человек преодолевает их с помощью религиозных правил и норм. Так, например, достаточно большое количество людей считает болезни «божьим наказанием», поэтому самый простой способ вылечиться – выполнять определённые ритуалы. Так формируется аддиктивный стереотип поведения. Когда «аддиктивный подход зарождается в глубине психики, он характеризуется установлением эмоциональных отношений, эмоциональных связей не с другими людьми, а с неодушевлённым предметом или активностью. Человек нуждается в эмоциональном тепле, интимности, получаемой от других и отдаваемой им. При формировании аддиктивного подхода происходит замена межличностных эмоциональных отношений проекцией эмоций на предметные суррогаты» [5, с. 9]. Этот механизм проявляется в таком виде религиозной практики, как культовая деятельность. Культ (в первоначальном значении – как обряд, а не как община, секта) – это разновидность религиозной деятельности, имеющая символическую природу. Здесь символический характер приобретают, прежде всего, предметы культа, а затем и манипуляции с ними. Генетически культовая практика всех религий восходит к древней магии как ранней форме религии. Но в настоящее время магию относят к оккультным практикам, выводя за рамки обрядности, практикуемой в развитых институционально оформленных религиозных организациях. Попытку исследовать эту сферу с точки зрения формирующихся аддикций предпринял А. Ю. Березанцев [2]. В то же время следует подчеркнуть, что оккультная аддикция является только частным случаем религиозной аддикции, а последняя во многих случаях выступает способом компенсации различных психотравм, либо неудовлетворённых потребностей.

Как известно, религия удовлетворяет потребность в коммуникации, а религиозные лидеры, будучи, как правило, харизма-

тическими личностями, используют такие средства психологического воздействия, которые формируют зависимость адептов от личности лидера. В замечательном документальном исследовании, предпринятом известным японским писателем Харуки Мураками, где были собраны интервью и беседы с членами секты «Аум Синрикё», оставшимися на свободе и не имевшими прямого отношения к теракту в токийском метро, можно найти не одно свидетельство, указывающее на этот тип зависимости. Так, один из послушников секты рассказывает: «Учитель собрал нас на проповедь и, заходясь кашлем, заявил: “Меня травят газом”. С потемневшим лицом, он *выглядел* совершенно измочаленным. Поразительно реальная сцена – эффект присутствия был так силён, что оставалось только перейти в послушники. “Я протяну месяц, не больше. И тогда братству конец. Пока этого не случилось, я хочу, чтобы все, кто мне верит, собрались вокруг меня. Станьте моим щитом”. Это была по-настоящему яркая проповедь. Она задела за живое *всех*, заставила людей усомниться в своей вере: если с Учителем такая беда, а ты ничего не можешь сделать, чего стоит твоя вера? После этого послушники стали сразу человек триста. Так получилось, что эта волна захлестнула и меня. Произошла ловкая подмена религиозного чувства на верность гуру» [11, с. 184].

Таким образом, бывшая в начале адаптивной защитная модель поведения превращается в хронический и патологический метод выбора при встречах с трудностями и реальными требованиями жизни. Религиозная Сущность, с помощью которой человек решает свои проблемы, становится самообеспечивающей системой и берёт ответственность на себя, позволяя человеку избежать чрезмерного для него бремени ответственности. Стоит обратить внимание на этимологию термина «ответственность». В русском языке традиционно под ответственностью понимается вклад человека в определённую ситуацию. Другое значение как способность к ответу на сигналы окружающей среды – естественно для англоговорящих, поскольку словосочетание *response + ability* переводится дословно как «способность отвечать». В русском языке такого соотнесения нет. Поэтому русскоговорящие с большим трудом понимают, в чём ответственность человека при включённости в диалог со средой. На уровне научных дискуссий это может звучать достаточно схоластически, но когда в реальной психокоррекционной работе возникает необходимость вернуть клиента к ответственности за его состояние и переживания, выясняется, что для него любая ответственность синонимична чувству вины.

Механизмы ответственности рассматриваются в экзистенциально ориентированных психологических исследованиях. Е. В. Чумакова и С. П. Лукьянова, анализируя ответственность в темпоральном ракурсе, отмечают, что осознание ответственности располагается в континууме между экстернальностью и интернальностью [17]. В интернальной сфере возникает понимание авторства выбора, в то время как в экстернальной сфере оно исчезает. «Осознание ситуации выбора включает в себя и признание того, что этот выбор совершает именно личность, а не родители, случай, судьба и т. п. Если подобное осознание отсутствует, то и прогноз последствий становится автоматически ненужным: нет необходимости прогнозировать последствия, если выбор не осуществляется или он осуществляется внеличностными силами [Там же, с. 40]. Это характерная особенность религиозного мировоззрения бывает выражена с меньшей или большей интенсивностью, в максимальном виде – как установка на фатализм (в концепции предопределения), которая встречается как в христианстве, так и в исламе.

Проблема ответственности распространяется и на отношение аддикта к своему здоровью. Ярким примером выступает ситуация пандемии COVID-19, когда несмотря на прямой запрет и необходимость самоизоляции, многие религиозно ориентированные граждане отправились на пасхальную службу в храмы.

Выводы. На основании изученной социально-психологической и философской литературы можно выделить основные особенности личности, склонной к аддиктивному поведению:

- низкий уровень переносимости трудностей повседневной жизни;
- комплекс неполноценности;
- внешняя социабельность (в сочетании со страхом перед устойчивыми эмоциональными контактами);
- внешний локус контроля (человек считает ответственными за свои беды и неудачи внешние факторы);
- избегание ответственности;
- зависимость [20].

Имея представление об индивидуально-личностных особенностях аддикта, мож-

но выделить следующие этапы формирования религиозной аддикции:

1. Низкий уровень переносимости трудностей повседневной жизни, сформированный чаще в детском возрасте.

2. Хроническая неудовлетворённость потребности в безопасности, которая требует компенсаторных форм защиты.

3. Нарастание напряжения и усиление невротической тревоги.

4. Поиски «защитных» механизмов для снятия напряжения.

5. Творческое приспособление через установление связи личности и религиозной сущности, как следствие – снятие напряжения.

6. Навязчивое стремление к снижению напряжения и тревоги с помощью найденного механизма.

7. Превращение найденной адаптивной модели поведения в зависимость как аддиктивный паттерн.

Несомненно, представленная модель социально-психологического механизма формирования внешней религиозности как аддиктивного способа решения личностных проблем и передачи своей ответственности религиозной сущности требует эмпирических доказательств и проведения дополнительных исследований в данной области знания. Именно в этом видится главная перспектива развития, безусловно, важной и крайне противоречивой проблемы как социальной философии (философии религии), так и социальной психологии.

Таким образом, адаптивное поведение, направленное на то, чтобы облегчить боль, вызванную психотравмирующими обстоятельствами, и на некоторое время повысить способность владеть собой и функционировать, при определённых индивидуально-личностных особенностях можно рассматривать как начало формирования зависимого поведения. Нехимическая зависимость, связанная с аддикциями отношений и аддикцией от человека, может трансформироваться во внешнюю религиозность. Так, бывшая в начале адаптивной защитная модель поведения превращается в хронический и патологический метод выбора при встречах с трудностями и реальными требованиями жизни.

Список литературы

1. Аринин Е. И., Воронцова Е. В., Петросян Д. И. Религиоведческо-терминологические аспекты социологических исследований «верующих» в постсоветской России: модели и типологии // Религиоведение. 2017. № 4. С. 97–111.
2. Березанцев А. Ю. Оккультная аддикция как вид нехимической зависимости (клинические и правовые аспекты) // Наркология. 2018. № 5. С. 94–100.
3. Грановская Р. М. Психология веры. СПб.: Питер, 2010. 480 с.
4. Зиммель Г. Социология религии // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. 671 с.

5. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 1991. № 1. С. 8–15.
6. Кристал Г. Нарушение эмоционального развития при аддиктивном поведении // Психология и лечение зависимого поведения / под ред. С. Даулинга. М.: Класс, 2000. С. 80–118.
7. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском конгрессе, читанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 года. М.: Гнозис, 1995. 53 с.
8. Лэйнг Р. У. Разделенное Я. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. 320 с.
9. Морозов А. А. Религия как мировоззренческая альтернатива для молодёжи // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3. С. 44–48.
10. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. 384 с.
11. Мураками Х. Край обетованный (Подземка-2). М.: Эксмо, 2006. 255 с.
12. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.
13. Семке В. Я. Психогении современного общества. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003. 408 с.
14. Соколовская И. Э. Социальная психология религиозной идентичности современной российской молодёжи: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. М., 2015. 45 с.
15. Фесенко Н. Ф., Алина К. Ж., Козлов В. В. Интегративный подход в понимании психологического содержания религиозной аддикции, современного экстремизма и терроризма. Павлодар: Дом печати, 2015. 154 с.
16. Фрейд З. Неудовлетворённость культурой // По ту сторону наслаждения. СПб.: Алетея, 1998. С. 136–243.
17. Чумакова Е. В., Лукьянова С. П. Структура ответственности в контексте экзистенциального выбора личности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Психология». 2009. № 18. С. 37–42.
18. Яшин В. Б. Отношение населения Омской области к религии (по результатам социологического исследования) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2. С. 210–219.
19. Bion W. R. Learning from Experience. London: Kanac Books, 1962. 116 p.
20. Segal B. Drugs and behavior. New York: Carder Press, 1988. 444 p.

Статья поступила в редакцию 15.04.2020; принята к публикации 18.05.2020

Сведения об авторах

Денисова Любовь Владиленовна, доктор философских наук, профессор, Академия управления МВД России; 125130, Россия, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, 8; e-mail: lvladilen@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4108-9828>.

Рогачева Татьяна Владимировна, доктор психологических наук, доцент, Областной центр реабилитации инвалидов; 620089, Россия, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 173, корп. А; e-mail: TVRog@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1259-7567>.

Вклад авторов в статью

Л. В. Денисова – основной автор, организатор исследования, формулировала концепцию статьи, проводила анализ и интерпретацию данных, формулировала выводы.

Т. В. Рогачева проводила сбор данных, анализ и систематизацию материалов исследования.

Библиографическое описание статьи

Денисова Л. В., Рогачева Т. В. Онтологические и социально-психологические основания религиозной аддикции: к постановке проблемы // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 97–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-97-104.

References

1. Arinin, E. I., Vorontsova, E. V., Petrosyan, D. I. Religious Terminological Aspects of Sociological Study of “Believers” in Post-Soviet Russia: Models and Typology. Religiovedenie, no.4, pp. 97–111, 2017. (In Rus.)
2. Berezantsev, A. Yu. Occult addiction as a kind of non-chemical dependence (clinical and legal aspects). Narcology, no. 5, pp. 94–100, 2018. (In Rus.)
3. Granovskaya, R. M. The psychology of faith. SPb: Piter, 2010. (In Rus.)
4. Zimmel', G. Sociology of Religion. In: Favorites. In 2 v. V. 1: Philosophy of culture: M: Yurist, 1996. (In Rus.)
5. Korolenko, Ts. P. Addictive behavior. Common characteristics and patterns of development. Review of Psychiatry and Medical Psychology, no. 1, pp. 8–15, 1991. (In Rus.)
6. Krysztal, H. Emotional disturbance in addictive behavior. Psychology and treatment of dependent behavior / Ed. S. Dauling. M: Klass, 2000: 80–118. (In Rus.)
7. Lacan, J. The function and field of speech and language in psychoanalysis. A report at the Rome Congress, read at the Institute of Psychology of the University of Rome on 26 and 27 September 1953. M: Gnozis, 1995. (In Rus.)
8. Laing, R. Divided Me. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshstva, 1995. (In Rus.)

9. Morozov, A. A. Religion as a world-view alternative for young people. Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia, no. 3. pp. 44–48, 2011. (In Rus.)
10. May, R. The meaning of anxiety. M: Klass, 2001. (In Rus.)
11. Murakami, Kh. The Edge of the Promised (Underground-2). M: Ehksmo, 2006. (In Rus.)
12. Allport, G. Becoming a person. Selected works. M: Smysl, 2002. (In Rus.)
13. Semke, V. Ya. The psychogeniuss of modern society. Tomsk: Iz-vo Tomskogo universiteta, 2003. (In Rus.)
14. Sokolovskaya, I. E. Social Psychology of Religious Identity of Modern Russian Youth. Dr. sci. diss. abstr. M: 2015. (In Rus.)
15. Fesenko, N. F., Alina, K. Zh., Kozlov, V. V. An integrative approach in understanding the psychological content of religious additives, contemporary extremism and terrorism. Pavlodar: Dom pechati, 2015. (In Rus.)
16. Freid, Z. Dissatisfaction with culture. On the other side of the enjoyment. SPb: Aleteia, 1998: 136–243. (In Rus.)
17. Chumakova, E. V., Luk'yanova, S. P. Responsibility structure in the context of existential personality choice, no. 18, pp. 37–42, 2009. (In Rus.)
18. Yashin, V. B. Attitudes of the population of the Omsk region to religion (according to the results of a sociological study). Herald of the Omsk Orthodox Theological Seminary, no. 2, pp. 210–219, 2018. (In Rus.)
19. Bion, W. R. Learning from Experience. London: Kanac Books, 1962. (In Engl.)
20. Segal, B. Drugs and behavior. NY: Carder Press, 1988. (In Engl.)

Received: April 15, 2020; accepted for publication May 18, 2020

Information about authors

Denisova Lyubov V., Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Management, Ministry of Internal Affairs of Russia; 8 Z. and A. Kosmodemyanskikh st., Moscow, 125130, Russia; e-mail: lvladilen@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4108-9828>.

Rogacheva Tatyana V., Doctor of Psychology, Associate Professor, Regional Center for the Rehabilitation of Persons with Disabilities; Building A, 173 Belinskogo st., Yekaterinburg, 620089, Russia; e-mail: TVRog@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1259-7567>.

Contribution of authors to the article

L. V. Denisova – the chief author, the organizer of the study, who formulates the concept of the article, analyzes and interprets facts, formulates conclusions.

T. V. Rogacheva conducted fact collection, analysis and systematization of research materials.

Reference to the article

Denisova L. V., Rogacheva T. V. Ontological and Socio-Psychological Foundations of Religious Addiction: Toward a Problem Statement // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 97–104. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-97-104.